

Николай Васильевич Гоголь

Ганц Кюхельgarten

Николай Васильевич Гоголь

Ганц Кюхельgarten

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175980

Собрание сочинений в 8 томах. Том 1. Вечера на хуторе близ Диканьки.

Ранние статьи. 1831 – 1833: Terra; 1999

ISBN 5-273-00008-4, 5-273-00007-6

Аннотация

За свою жизнь Николай Васильевич Гоголь совершил множество путешествий. И поездка в Любек в июле 1829 года стало только первым из них. А отправился он в то лето в Германию, чтобы хоть как-то избавиться от горечи поражения – его первое сочинение, романтическая поэма «Ганс Кюхельgarten», опубликованная под псевдонимом Алов, ничего кроме разочарования ему не принесла. Поэму решительно не желали покупать, критики отзывались о ней крайне негативно, так что сам начинающий автор был вынужден скупить весь тираж и уничтожить. Поездка на чужбину представлялась ему спасительной: так можно было хоть как-то забыться и начать новую жизнь.

Содержание

ИДИЛЛИЯ В КАРТИНАХ	4
КАРТИНА I	5
КАРТИНА II	11
КАРТИНА III	16
КАРТИНА IV	18
КАРТИНА VI	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Николай ГОГОЛЬ

Ганс Кюхельгартен

ИДИЛЛИЯ В КАРТИНАХ

Предлагаемое сочинение никогда бы не увидело света, если бы обстоятельства, важные для одного только Автора, не побудили его к тому. Это произведение его восемнадцатилетней юности. Не принимаясь судить ни о достоинстве, ни о недостатках его, и предоставляя это просвещенной публике, скажем только то, что многие из картин сей идиллии, к сожалению, не уцелели; они, вероятно, связывали более ныне разрозненные отрывки и дорисовывали изображение главного характера. По крайней мере мы гордимся тем, что по возможности споспешествовали свету ознакомиться с созданием юного таланта.

КАРТИНА I

Светаёт. Вот проглянула деревня,
Дома, сады. Всё видно, всё светло.
Вся в золоте сияет колокольня
И блещет луч на стареньком заборе.
Пленительно оборотилось всё
Вниз головой, в серебряной воде:
Забор, и дом, и садик в ней такие ж.
Всё движется в серебряной воде:
Синеет свод, и волны облак ходят,
И лес живой вот только не шумит.
На берегу далеко вшедшем в море,
Под тенью лип, стоит уютный домик
Пастора. В нем давно старик живет.
Ветшает он, и старенькая кровля
Посунулась; труба вся почернела;
И лепится давно цветистый мох
Уж по стенам; и окна искосились;
Но как-то мило в нем, и ни за что
Старик его б не отдал.
Вот та липа,
Где отдыхать он любит, тож дряхлеет.
Зато вокруг ней зеленые прилавки
Из дерну свежего.
В дуплистых норах

Ее гнезятся птички, старый дом
И сад веселой песнью оглашая.
Пастор всю ночь не спал, да пред рассветом
Уж вышел спать на чистый воздух;
И дремлет он под липой в старых креслах,
И ветерок ему свежит лицо,
И белые взвевает волоса.
Но кто прекрасная подходит?
Как утро свежее, горит
И на него глаза наводит?
Очаровательно стоит?
Взгляните же, как мило будит
Ее лилейная рука,
Его касаясь слегка,
И возвратиться в мир наш нудит.
И вот в полглаза он глядит,
И вот спросонья говорит:
“О дивный, дивный посетитель!
Ты навестил мою обитель!
Зачем же тайная тоска
Всю душу мне насквозь проходит,
И на седого старика
Твой образ дивный сдалека
Волненье странное наводит?
Ты посмотри: уже я хил,
Давно к живущему остыл,
Себя погреб в себе давно я,
Со дня я на день жду покоя,
О нем и мыслить уж привык,

О нем и мелет мой язык.
Чего ж ты, гостья молодая,
К себе так пламенно влечешь?
Или, жилища неба-рая,
Ты мне надежду подаешь,
На небеса меня зовешь?
О, я готов, да недостоин.
Велики тяжкие грехи:
И я был злой на свете воин,
Меня робели пастухи;
Мне лютые дела не новость;
Но дьявола отрекся я,
И остальная жизнь моя —
Заплата малая моя
За прежней жизни злую повесть...”
Тоски, смятения полна,
“Сказать” – подумала она —
“Он, бог знает, куда заедет...
Сказать ему, что он ведь бредит”.
Но он в забвенье погружен.
Его объемлет снова сон.
Склонясь над ним, она чуть дышет.
Как почивает! как он спит!
Вздых чуть заметный грудь колышет;
Незримым воздухом обвит,
Его архангел сторожит;
Улыбка райская сияет,
Чело святое осеняет.
Вот он открыл свои глаза:

“Луиза, ты ль? мне снилось... странно...

Ты поднялась, шалунья, рано;

Еще не высохла роса.

Сегодня, кажется, туманно”.

“Нет, бабушка, светло, свод чист;

Сквозь рощу солнце светит ярко;

Не колыхнется свежий лист,

И по утру уже всё жарко.

Узнаете ль, зачем я к вам? —

У нас сегодня будет праздник.

У нас уж старый Лодельгам,

Скрыпач, с ним Фриц проказник;

Мы будем ездить по водам...

Когда бы Ганц...” Добросердечный

Пастор с улыбкой хитрой ждет,

О чем рассказ свой поведет

Младенец резвый и беспечный.

“Вы, бабушка, вы можете помочь

Одни неслыханному горю:

Мой Ганц страх болен; день и ночь

Всё ходит к сумрачному морю;

Всё не по нем, всему не рад,

Сам говорит с собой, к нам скучен,

Спросить – ответит невпопад,

И весь ужасно как измучен.

Ему зазнаться уж с тоской —

Да эдак он себя погубит.

При мысли я дрожу одной:

Быть может, недоволен мной;

Быть может, он меня не любит. —
Мне это – в сердце нож стальной.
Я вас просить, мой ангел, смею...”
И кинулась к нему на шею,
Стесненной грудью чуть дыша;
И вся зарделась, вся смешалась
Моя красавица-душа;
Слеза на глазках показалась...
Ах, как Луиза хороша!
“Не плачь, спокойся, друг мой милый!
Ведь стыдно плакать, наконец”,
Духовный молвил ей отец. —
“Бог нам дарит терпенье, силы;
С твоей усердную мольбой,
Тебе ни в чем он не откажет.
Поверь, Ганц дышет лишь тобой;
Поверь, он то тебе докажет.
Зачем же мыслию пустой
Душевный растревлять покой?”
Так утешает он свою Луизу,
Ее к груди дряхлеющей прижав.
Вот старая Гертруда ставит кофий
Горячий и весь светлый, как янтарь.
Старик любил на воздухе пить кофий,
Держа во рту черешневый чубук.
Дым уходил и дельцами ложился.
И, призадумавшись, Луиза хлебом
Кормила с рук своих кота, который
Мурлыча крался, слыша сладкий запах.

Старик привстал с цветеных старых кресел,
Принес мольбу и руку внучке подал;
И вот надел нарядный свой халат,
Весь из парчи серебряной, блестящей,
И праздничный неношенный колпак —
Его в подарок нашему пастору
Из города привез недавно Ганц, —
И, опираясь на плечо Луизы
Лилейное, старик наш вышел в поле.
Какой же день! Веселые вились
И пели жавронки; ходили волны
От ветру золотого в поле хлеба;
Сгустились вот над ними деревья,
На них плоды пред солнцем наливались
Прозрачные; вдали темнели воды
Зеленые; сквозь радужный туман
Неслись моря душистых ароматов;
Пчела работница срывала мед
С живых цветов; резвунья стрекоза
Треща вилась; разгульная вдали
Неслася песнь, – то песнь гребцов удалых.
Редет лес, видна уже долина,
По ней мычат игривые стада;
А издали видна уже и кровля
Луизина; краснеют черепицы
И ярко луч по краям их скользит.

КАРТИНА II

Волнуем думой непонятной,
Наш Ганц рассеянно глядел
На мир великий, необъятной,
На свой незнаемый удел.
Доселе тихий, безмятежной
Он жизнью радостно играл;
Душой невинною и нежной
В ней горьких бед не прозревал;
Земного мира уроженец,
Земных губительных страстей
Он не носил в груди своей,
Беспечный, ветренный младенец.
И было весело ему.
Он разрезвлялся мило, живо
В толпе детей; не верил злу;
Пред ним цвел мир как бы на диво.
Его подруга с детских дней
Дитя-Луиза, ангел светлый,
Блистала прелестью речей;
Сквозь кольца русые кудрей
Лукавый взгляд жег неприметно;
В зеленой юбочке сама
Поет, танцует ли она —
Всё простодушно, в ней всё живо,

Всё детски в ней красноречиво;
На шейке розовый платок
С груди слетает понемножку,
И стройно белый башмачок
Ее охватывает ножку.
В лесу ль играет вместе с ним —
Его обгонит, всё проникнет,
В куст притаясь с желаньем злым,
Ему вдруг в уши громко крикнет —
И испугает; спит ли он —
Ему лицо всё разрисует,
И, звонким смехом пробужден,
Он покидает сладкий сон,
Шалунию резвую целует.
Уходит за весной весна.
Круг детских игр их стал уж скромн. —
Меж ними резвость не видна;
Огонь очей его стал томен,
Она застенчиво-грустна.
Они понятно угадали
Вас, речи первые любви!
Покуда сладкие печали!
Покуда радужные дни!
Чего б желать с Луизой милой?
Он с ней и вечер, с ней и день,
К ней привлечен он дивной силой,
Как верно бродящая тень.
Полны сердечного участия,
Не наглядятся старики

Их простодушные на счастье
Своих детей; и далеки
От них дни горя, дни сомнений:
Их осеняет мирный Гений.
Но скоро тайная печаль
Им овладела; взор туманен,
И часто смотрит он на даль,
И беспокоен весь и странен.
Чего-то смело ищет ум,
Чего-то тайно негодует;
Душа, в волненьи темных дум,
О чем-то, скорбная, тоскует;
Он как прикованный сидит,
На море буйное глядит.
В мечтаньи всё кого-то слышит
При стройном шуме ветхих вод.

* * *

Или в долине ходит думный;
Глаза торжественно блестя,
Когда несется ветер шумный
И громы жарко говорят;
Огонь мгновенный колет тучи;
Дождя источники горячи
Секутся звучно и шумят. —

Иль в час полночи, в час мечтаний
Сидит за книгою преданий,
И, перевертывая лист,
Он ловит буквы в ней немые
— Глаголят в них века седые,
И слово дивное гремит. —
Час углубясь в раздумьи целой,
С нее и глаз он не сведет;
Кто мимо Ганца ни пройдет,
Кто ни посмотрит, скажет смело:
Назад далеко он живет.
Чудесной мыслью очарован,
Под дуба сумрачную сень
Идет он часто в летний день,
К чему-то тайному прикован;
Он видит тайно чью-то тень,
И к ней он руки простирает,
Ее в забвеньи обнимает. —
А простодушна и одна
Луиза-ангел, что же? где же?
Ему всем сердцем предана,
Не знает, бедненькая, сна;
Ему приносит ласки те же;
Его рученкой обовьет;
Его невинно поцелует;
Он на минуту растоскует
И снова то же запоет.
Они прекрасны, те мгновенья,
Когда прозрачную толпой

Далеко милые виденья
Уносят юношу с собой.
Но если мир души разрушен,
Забыв счастливый уголок,
К нему он станет равнодушен,
И для простых людей высок,
Они ли юношу наполнят?
И сердце радостью ль исполнят?
Пока в жилище суеты
Его подслушаем украдкой,
Доселе бывшие загадкой,
Разнообразные мечты.

КАРТИНА III

Земля классических, прекрасных созиданий,
И славных дел, и вольности земля!
Афины, к вам, в жару чудесных трепетаний,
Душой приковываюсь я!
Вот от треножников до самого Пирея
Кипит, волнуется торжественный народ;
Где речь Эсхинова, гремя и пламеня,
Всё своенравно вслед влечет,
Как воды шумные прозрачного Иллиса.
Велик сей мраморный изящный Парфенон!
Колон дорических он рядом обнесен;
Минерву Фидий в нем переселил резцом,
И блещет кисть Парразия, Зевксиса.
Под портиком божественный мудрец
Ведет высокое о дольном мире слово;
Кому за доблести бессмертие готово,
Кому позор, кому венец.
Фонтанов стройных шум, нестройных песней клики;
С восходом дня толпа в амфитеатр валит,
Персидский кандис весь испещренный блеснит,
И выются легкие туники.
Стихи Софокловы порывисто звучат;
Венки лавровые торжественно летят;
С медоточивых уст любимца Эпикура

Архонты, воины, служители Амура
Спешат прекрасную науку изучить:
Как жизнью жить, как наслажденье пить.
Но вот Аспазия! Не смеет и дохнуть
Смятенный юноша, при черных глаз сих встрече.
Как жарки те уста! как пламенны те речи!
И темные как ночь, те кудри как-нибудь,
Волнуясь, падают на грудь,
На беломраморные плечи.
Но что при звуке чаш тимпанов дикой вой?
Плющем увенчаны вакхические девы,
Бегут нестройною, неистовой толпой
В священный лес; всё скрылось... что вы? где вы?..
Но вы пропали, я один.
Опять тоска, опять досада;
Хотя бы Фавн пришел с долин;
Хотя б прекрасная Дриада
Мне показалась в мраке сада.
О, как чудесно вы свой мир
Мечтою, греки, населили!
Как вы его обворожили!
А наш – и беден он, и сир,
И раскварачен весь на мили.
И снова новые мечты
Его, смеясь, обнимают;
Его воздушно поднимают
Из океана суеты.

КАРТИНА IV

В стране, где сверкают живые ключи;
Где, чудно сияя, блистают лучи;
Дыхание амры и розы ночной
Роскошно объемлет эфир голубой;
И в воздухе тучи курений висят;
Плоды мангустана золотые горят;
Лугов Кандагарских сверкает ковер;
И смело накинута небесный шатер;
Роскошно валится дождь яркий цветов,
То блещут, трепещут рои мотыльков; —
Я вижу там Пери: в забвеньи она
Не видит, не внемлет, мечтаний полна.
Как солнца два, очи небесно горят;
Как Гемасагара, так кудри блестят;
Дыхание – лилий серебряных чад,
Когда засыпает истомленный сад
И ветер их вздохи развеет порой;
А голос, как звуки сириды ночной,
Или трепетанье серебряных крыл,
Когда ими звукнет, резвясь, Исразил,
Иль плески Хиндары таинственных струй;
А что же улыбка? А что ж поцелуй?
Но вижу, как воздух, она уж летит,
В края поднебесны, к родимым спешит.

Постой, оглянися! Не внемлет она.
И в радуге тонет, и вот не видна.
Но воспоминанье мир долго хранит,
И благоуханьем весь воздух обвит.

* * *

Живого юности стремленья
Так испестрялися мечты.
Порой небесного черты,
Души прекрасной впечатленья,
На нем лежали; но чего
В волненьях сердца своего
Искал он думою неясной,
Чего желал, чего хотел,
К чему так пламенно летел
Душой и жадною, и страстной,
Как будто мир желал обнять, —
Того и сам не мог понять.
Ему казалось душно, пыльно
В сей позаброшенной стране;
И сердце билось сильно, сильно
По дальней, дальней стороне.
Тогда когда б вы повидали,
Как воздымалась буйно грудь,
Как взоры гордо трепетали,

Как сердце жаждало прильнуть
К своей мечте, мечте неясной;
Какой в нем пыл кипел прекрасной;
Какая жаркая слеза
Живые наполнила глаза.

КАРТИНА VI

От Висмара в двух милях та деревня,
Где ограничился лиц наших мир.
Не знаю, как теперь, но Люненсдорфом
Она тогда, веселая, звалась.
Уж издали белеет скромный домик
Вильгельма Бауха, мызника. – Давно,
Женившись на дочери пастора,
Его построил он! Веселый домик!
Он выкрашен зеленой краской, крыт
Красивою и звонкой черепицей;
Вокруг каштаны старые стоят,
Нависши ветвями, как будто в окна
Хотят продраться; из-за них мелькает
Решетка из прекрасных лоз, красиво
И хитро сделана самим Вильгельмом;
По ней висит и змейкой вьется хмель;
С окна протянут шест, на нем белье
Блестит белое пред солнцем. Вот
В пролом на чердаке толпится стая
Мохнатых голубей; протяжно клохчут
Индейки; хлопая встречает день

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.